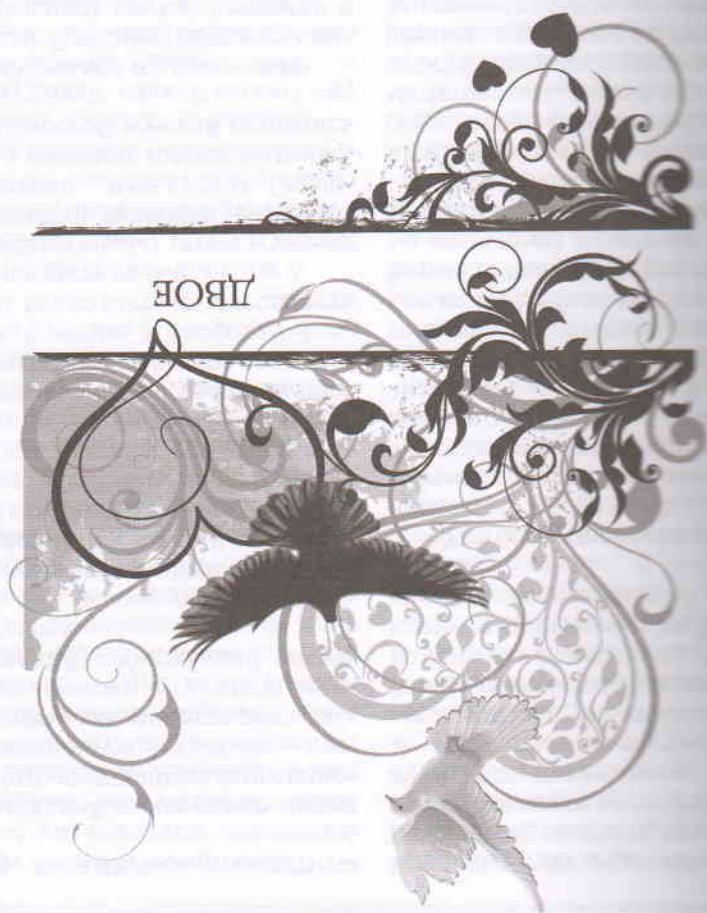

Теплоход был обычный рейсовый, и такие когда-то регулярно ходили по Волге. Можно было взять билет в касе речного порта своего города, взойти на мостик по качивающейся палубе, отыскать свою каюту и... оторваться от всего земного, погрузиться в бесконечный речной простор, смотреть с жадным любопытством на таянущиеся мимо берега, с непонятным волнением выходить на пристанях маленьких старинных волжских городков, чувствуя в них тайны времени. Так Нина и Павел и решили сделать в свой первый совместный отпуск. Верес, решила Нина. Десять дней по родной реке, столько впечатлений обещало это путешествие! Но было и ещё одно обстоятельство. Нине очень хотелось, наконец, остаться с Павлом наедине, пусть даже в крошечном просторанстве каюты, но принадевшись только им двоим на целых длинных – предлинных десяти дней. И ни-ни-ни – множества друзей, недавних однокурсников и однокурсников, близких родственников – замечательных, но очень пристально наблюдающих

Рассказ

ШИПОВНИК НА ТОМ БЕРЕГУ...

Татьяна АЛИСЬВИЧ, филолог, библиоотекар, автор цикла лекций «Литературный Симбирск». Автор книги воспоминаний «Очень личные истории».

их с Павлом недавно начавшую совместную жизнь.

Хотя срединный волжский город равно манил и вверх и вниз по реке, выбор маршрута был единогласен – в низовья, в загадочную Астрахань – старинный Аштархан, увидеть, как мощная река распадается на узкие рукава-протоки. Эту самую дельту, этот далёкий Прикаспий, собирающий вокруг себя жаркие азиатские земли.

Павел вспоминал, как в его детстве дальняя родственница привезла из такой поездки ему гостинец – большой сладкий настоящий астраханский арбуз! А Нину всегда завораживал береговой разлом, русло Волги, устремлённое в неведомые дальние дали, то, что она всегда с трепетом разглядывала в своём детстве из окон родительского дома, долго не понимая, почему разомкнулись волжские берега на горизонте. Эту линию соединения воды и неба она бесконечно повторяла в своих детских рисунках, как будто пытаясь преодолеть призрачную границу, заглянуть за неё.

Теперь это стало возможным, стоило только купить билет на проходящий теплоход. Но билет можно было купить, а можно... и не купить. Сколько людей устремлялись в соседние города по воде... Летом между железной дорогой и рекой старались выбирать реку!

Но и это было уже маленькое приключение!

Пока ещё безбилетные будущие пассажиры ночью спустились по безлюдной крутой лестнице в новенький стеклянно-воздушный городской речной порт (билеты продавались по прибытию теплохода, а нужный прибывал на рассвете). Идти тёмной пустынной ночью было сладостно-жутковато, и Нина беспокоилась за Павла, ведь в случае чего, ему была уготована роль защитника. Только яркий луч прожектора сверху от обелиска на круче прорезывал летнюю ночь. Внизу на реке смутно белели силуэты теплоходов, словно стая больших птиц, нашедших ночлег.

А вот в порту было многолюдно! Как же Нине всегда нравилась эта публика! Что-то древнее кочевое ощущалось в душах людей, решившихся на многодневное плавание вниз по течению к степным и пустынным просторам. Вот и сейчас многочисленная семья калмыков сплавлялась до своего Цаган – Амана – их смуглые широкоскулые лица резко выделялись среди собравшегося народа! У них было много скарба, и особенно Нину восхитил привязанный к какому-то узлу большой медный чайник...

У Нины тоже с собой был взят чайник, правда, небольшой фарфоровый – любимый – для заварки. Она слышала, что в такие долгие поездки надо непременно брать чайник и долго, неспешно пить вечером чай в каюте.

Она знала, что Павел прихватил и бутылку марочного вина – сказал, что непременно должны встретиться в соседнем волжском городе с одноклассником, с которым они были дружны когда-то, но потом жизнь развела, как это нередко бывает. Было бы интересно взглянуть друг на друга!

Им повезло – два билета в каюту второго класса были успешно, хотя не без волнений куплены.

Нетерпеливо ждали, пока, наконец, прибывший теплоход пришвартуется. Пассажиры торопливо

проходили по деревянным сходням – июньская ночь таяла, светлела, превращаясь в раннее гулкое утро – все звуки на воде были резкими, а солнечные лучи – ослепительными.

Не дожидаясь скорого отплытия (стоянка была короткой), и уже почти не слыша скрежещущих сквозь рупор команд капитана, Нина и Павел крепко уснули в своей каюте, ощущая непривычную лёгкость от оставшихся на берегу обязанностей и переменных условностей их с родителями общения...

Уже были пройдены первые шлюзы, и теплоход неспешно, но споро двигался по привычному для себя маршруту. Нина досадовала, что проспала зрелище, эту сложнейшую инженерную конструкцию, это свидетельство торжества пытливой и созидательной мысли. Её и в Павле восхищало всё это таинственное умение технического изобретательства. Ей хотелось, чтобы он, стоя рядом на палубе, объяснял, как всё придумывалось и работает. Утешало то, что это не единственные шлюзы на речном пути и не единственная гидротранспортная, впечатляющая своей мощью.

Зато был поздний, почти только их вдвоём, завтрак в ресторане, который оказался через стену (переборку!) с их каютой. Сидя в ресторане на корме теплохода, можно было долго следить взглядом за остающимися позади зелёными холмистыми берегами, домиками на песчаных отмелях, людьми, занятыми своей привычной жизнью.

Совсем скоро должен был показаться большой город, в котором Нине бывать раньше не приходилось. За несколько часов стоянки нужно было успеть его посмотреть и вернуться к себе «домой» – в каюту, которая стала быстро обживаться, а расписной фарфоровый чайник на столике стал символом домашнего уюта.

Вернувшись на теплоход поздно вечером, к своему отплытию, Нина и Павел открыли бутылку вина, так и не пригодившуюся для встречи с другом в городе, который они проспали. И сладковатое терпкое вино, и тёплая июньская ночь, и покачивание палубы, и глухой рокот теплохода, уходящего в бесплотную темноту пространства – всё было как будто для того, чтобы они ощутили друг друга по-новому, а может быть, напротив, по-прежнему, как в первый и ещё такой недавний год их знакомства.

Теплоход был хоть и деловитый рейсовый, но многие пассажиры просто совершали речное путешествие. Никто уже не высаживался на остановках, почти никто и не сходил на берег, особенно в каюты первого и второго класса. Так что образовалось некое подобие «общества на водах». Нину это забавляло, она уже присмотрелась к людям, заметив их особенности, ярко проявляющиеся в ограниченном теплоходном пространстве, где все было постоянно друг у друга на виду. Самыми примечательными пассажирами стала семья, которая ехала в люксовой каюте от самого начала маршрута – Чебоксар. Это были очень молодые люди с маленьким мальчиком, маленькой собачкой, которую высокая ростом курносенькая женщина с пухлой светлой косой, перекинутой через плечо, носила на руках. Может, она именно была провозвещательницей сегодняшней моды? Маленький же мальчик

всегда на попечении, очевидно, бабушки в национальной чувашской одежде. А молодая дочь её всего появлялась на публике в длинном крапчатом переливающимся атласном халате. Каким-то неслыханным образом она усвоила капризность в обращении со своим мужем, молодым, с простодушным лицом и натруженными руками, человеком. Его выход из каюты всегда привлекал внимание – и бабушкин наряд, и гордая повадка молодой женщины предупреждать её желания, и, конечно, собачка, дергающаяся поселиться с хозяевами в каюте люкс. Раскошная коса женщины все время норовила расплестись, и муж благоговейно пытался помочь ей справиться с этим белокурым водопадом.

Конечно, Нину больше всего занимали теплоходные остановки, которых она ждала с нетерпением. Особенно волновали небольшие пристани старинных городков, о которых много было читано в романах. Их глубинная провинциальность, сохраняла черты и приметы той навсегда ушедшей жизни, которая теплилась на страницах замечательных и когда-то важных для всех книг. Какой-то трепет охватывал её, когда она оказывалась в тех местах. А в саратовских знаменитых Липках – городском саду – Нина почти потеряла ощущение времени. Сколько раз она представляла этот уютный парк, когда читала «Первые радости»! Курильские солидные особняки, чудом сохранившиеся в холмистых спусках к Волге, только усиливали эффект погружения или, лучше сказать, свопарения. Давно нет людей, населявших этот дом, а сами дома остались свидетелями множества и событий и что-то упорно хранят в себе. А ещё хотелось понять, как этот старинный красивый город навеял любимому художнику Нины прекрасные образы его картин с неземными женщинами, ведь всё детство Борисова-Мусатова проведено именно здесь, на Волге...

У Нины и Павла почти не оставалось времени на общение с пассажирами теплохода. Тем не менее, их пара не прошла мимо внимания ни командира, ни путешественников. Может быть, всё дело было в контрасте со ставшей уже знаменитой на теплоходе «Тюксовой» парой? Нина всё чаще одна появлялась на палубе, стараясь не пропустить ни одного явленного волжских пейзажей, постоянно меняющихся. Смотреть, как необъятная степь жарким дыханием всё явственнее подступает к речным берегам, касаясь их пересохшими от жары губами, было захватывающе и жутковато. Какие события здесь происходили! Степь снисходительно молчала, скрывая всё в своих просторах, и было видеть небольшие людские поселения и светливую их жизнь, уже не имеющую отношения к древнему здешнему прошлому. Только в дурманном запахе трав с берега, очертаниях курганов, кружении хищной птицы высоко в небе голубом знойном небе чудилось золотое прошлое этих мест... Нина в очередной раз поняла, что забросила своё увлечение – риканье. Какой памятью стали бы потом её карнавалы и броски! Но она очень стеснялась этого увлечения, совершенно, как ей казалось, не соответствующего замужней женщине.

Павел читал в каюте газеты, которые они во множестве покупали на остановках, иногда выходил сыграть с кем-нибудь партию в шахматы и скоро приобрёл постоянных партнёров. К одиноко сидящей на палубе Нине подсаживались разные люди, заводили всякие разговоры и очень удивлялись, когда вдруг появлялся Павел и они вместе уходили. А однажды две девушки даже попросили Нину познакомить их с её братом. Оказывалось, досужее людское мнение – кем они с Павлом приходятся друг другу – давно разделилось. Павел на это не обращал внимания, а Нина, посмеявшись, задумалась.

Теплоход шел по назначенному курсу: река то разливалась широко водохранилищами, то все больше сужалась; опускались и поднимались в шлюзах, проходили под мостами, приставали к большим и малым пристаням, загружали и выгружали какие-то грузы – обычная деловитая речная жизнь.

А жизнь в каюте мало отличалась от прежней жизни Нины и Павла, казалось, уже намертво был вложен определённый размеренный алгоритм в их общее существование. Но ведь эта спокойная отстранённость и привлекла когда-то Нину в Павле!

Жаркая Астрахань самого начала июля была уже совсем близко, безветренные ночи не спасали от духоты, даже движение теплохода не вызывало спасительного движения воздуха.

Спать было невозможно, и люди ночью собирались на носу теплохода – кто в мокрой простыне, кто в полотенце.

Какой уж тут горячий чай! Расписной чайник стал просто лишней деталью на небольшом столике каюты.

Кстати, каюта! Её теснота, её предполагавшая близость друг к другу не оправдывали ожиданий. Как-то неловко было всё-всё естественное. Нина торопливо по ранним утрам, переодеваясь за небольшой перегородкой, прятала своё молодое гибкое, какое-то тугое, как тетива, тело в привычный сарафан, открывающий только тонкие руки до плеч. Быстро умывалась, наскоро причёсывалась, благо, что волосы были густы и коротки. Почему-то она чувствовала, что Павлу не будут приятны её открытость и неспешность в этих обычных и необходимых действиях. «Да я, как солдат», – подумалось ей однажды. А, может, она ошибалась? Но после какого-то досадливого и очень давнишнего замечания Павла она всегда была настороже. Тогда она решила, что он смотрит на неё не только своими глазами, было важно, как она выглядит и в глазах его близких. Существовал некий стандарт, которому она теперь, став женой Павла, должна была следовать. Была ли она уже прежней Ниной, которую он отличил когда-то от других? А он сам? Следуя каким-то чужим правилам, не теряют ли они друг друга, а, может быть, следуя своим, уже давно бы потеряли? Вряд ли Павел задавался этими вопросами. Но кто знает...

В Астрахань прибыли душным вечером. Солнце белесым пятном отсвечивало на пепельном, выжженном дневным жаром, небе. Тут же в порту местные ловили рыбу и, ныряя, вытаскивали за клешни из-под камней раков.

Команда теплохода оставила своих пассажиров наедине с незнакомым городом. А город быстро погружался в ночь, зажигались огни улиц и домов, из распахнутых окон доносились привычные для этого времени звуки телевизионных программ. Но они лишь напоминали, что дом далеко, а город вокруг чужд, неизвестны его привычки, неизведаны его маршруты. Только белые мерцающие стены Успенского собора служили слабым ориентиром.

Нина хотела взять Павла под руку, боясь опуститься на каблучках в темноте, но решила, что это лишнее. В городской ресторан попасть не удалось, да и поздно уже было, так что спать легли голодными.

Наутро волшебная восточная Астрахань предстала в жарком сиянии, маленький речной трамвай перевёз Нину и Павла из порта куда-то, где Волга и не Волга – протока с нежнейшим белым шёлковым песком. Прогретая вода, просвечивающее дно, маленькие рыбки, заросли какой-то речной травы – и никого рядом!

Но много ещё было дел... Наскоро искупавшись, отправились досматривать город, пришлось долго ехать в жаркой людской тесноте трамвая на знаменитый рыбный рынок, искать, где перекусить, и чуть-чуть успевать возвратиться к отплытию, назад, домой, в обратный путь...

Обратный путь показался Нине уже знакомым и не сулил таинственных открытий. Только однажды ночью взошла совершенно необыкновенная луна – огромный тяжёлый почти красный шар висит чуть в стороне от теплохода над рекой. Чёрное небо, чёрная река – и низко над горизонтом яркий шар, готовый вот-вот упасть. «Сюрреализм не выдуман», – подумалось Нине, долго простоявшей на палубе в каком-то оцепенении. А однажды днём – зной низовьев уже отступал окончательно – весёлая тучка пыталась догнать теплоход, с озорством брызгалась тёплым дождиком, до которого можно было с кормы достать, протянув руку.

Почти те же самые люди возвращались в верховья Волги. Теплоход всё больше и больше тяжелеет и оседает – был загружен ящиками – везли астраханские помидоры. Не пассажиры, конечно, которые меньше стали выходить из кают, да и прогуливаться стало почти нелегко.

В ресторане обедало все меньше людей, однако, Нина с Павлом ходила, наблюдая там и другую теплоходную пару. Радужный шелковый халат женщины всё так же сиял и переливался, а мужчина всегда, не глядя в меню, просил принести самое вкусное. Было немножко смешно, впрочем, что было смешного?

Большие города проплывали почти ночью, так что выходить и бродить по ним не приходилось.

Совсем уж немного оставалось до дома – один только порт, который Нина и Павел проспали в самом начале своего водного путешествия. Прибывали туда под ранний вечер, так что вышли прогуляться по набережной. Попался на глаза телефон-автомат, Павел нашарил в кармане нужные монетки.

– Позвоню на всякий случай.

Кто-то тут же отозвался.

– Слушай, мы с женой в вашем городе. В порту. Стоим всего два часа.

Понял, хорошо. Встречу у теплохода. Да, женой, не ослышался.

– Сейчас приедет, – это уже Нине.

– Так надо в каюте прибраться, – заволновалась Нина. – Хотя бы чай приготовить.

– Чай – это правильно, он за рулём.

Вернувшись в каюту, Нина почему-то прежде всего посмотрела в небольшое зеркало над умывальником. Не хотелось перед неизвестным другом Павла выглядеть неприбранной. Она подкрасила губы, торопясь, надела вместо привычного сарафана брюки и тёмно-синюю блузку, так шедшую и без пользы провисевшую в шкафу каюты, нашла сумочке флакончик духов. Она не успела даже осесть на место на диване, чтобы можно было сесть столику, как дверь каюты распахнулась.

Вместе с Павлом на пороге стоял среднего роста, крепкий, темноволосый, с внимательным взглядом, ... очень знакомый человек.

Почему за доли секунды они оба решили для себя, что никогда не были знакомы?

– Нина, – волнуясь, протянула руку знакомому – незнакомому человеку Нина.

– Игорь, – спокойно ответил он ей в тон и так же, не сдержавшись, чуть крепче, чем нужно, схватил её ладонь.

Сколько прошло времени с тех пор, как они вдруг потеряли друг друга? Много, чтобы не вспоминать, и мало, чтобы забыть.

Это было, когда... зацвёл шиповник...

...Мотоцикл нёсся по узкому шоссе, обгоняя автомобили. Упругий воздух бил в лицо и грудь. Волосы девушки трепал ветер. Она крепко держалась за Игоря, замирая от восторга быстрой езды. Они мчались в неведомую даль, куда выведет эта дорога, минуя привычный город, минуя реку, стремясь к другому её берегу, где, казалось, ждёт что-то необычное... Потом – горячий от гонки, пахнущий бензином мотоцикл в высокой траве и рядом – розовая пена цветущего дикого шиповника. Уже лес начался здесь, уже другой мир обступал со всех сторон тишиной, яркой зеленью, цветами... По мятосыпающемуся под ногами песку по склону можно было моментально сбежать к реке и идти вдоль берега по воде, по её солнечным бликам, по розовым лепесткам шиповника, которые тёплым ветром сносило сюда сверху от лесных зарослей.

Солнце у воды особенно жалило кожу плеч, рождало улыбку на лице..

Солнце поджигало прикосновения друг к другу. Но разве только солнце!

Ночные поездки по пустой почти дороге были окутаны другой тайной-тайной темноты. Тёмные кроны придорожных деревьев сливались в бесконечную полосу, темное бесконечное небо пульсировало мириадами светящихся точек – звёзд, тёмная земля под колёсами мотоцикла выхватывала ярко горящей в ночи его фарой. Но разве только темнота была тайной!

Километры пути казались бесконечными. 17 лет жизнь была бесконечной!

Потом... Потом они как-то раз случайно встретились зимой на городской улице. Почему-то нельзя было пройти мимо друг друга. Шёл снег крупными

хлопьями, как будто лепестки белого шиповника. Так показалось Нине.

Они зашли в магазин, который оказался рядом. Это было хорошо, потому что не надо было искать витрины. В кондитерском отделе Игорь купил конфеты. Те же самые, что подарил на день рождения тогда. Тогда было лето, и шоколад конфеты лежали в обёртках, на которых были изображены пустынные караваны. Но сейчас зима, а знаменитая пустыня разве что – в душе? И попрощайся с зимнему, холодно, только Игорь чуть сморщенного простому знакомству задерживать ладонь в своей.

И ничего не знала Нина про Игоря больше. Вроде перестал, вроде испытывает новые знаменитые автомобильские машины. Машины, скорость были неизвестно.

Тебе надо катать не на мотоцикле, – говорил он Нине. – а на красивой машине, но пока у меня её нет.

А Нине нравилось на мотоцикле – и скорость, и дорожки не дорогах, и крутые повороты, когда мотоцикл чуть ли не ложится набок и тут же выпрямляется. Руль захватывало, а тело пружинисто подчинялось бегу машины.

И вот сейчас Нина заваривает чай в расписной чайнице, а Игорь изредка взглядывает внимательно на неё, как будто хочет увидеть ту, прежнюю Нину. Ту Нину, которую он ощущал так близко за спиной, когда они мчались на мотоцикле, и когда было ему крепко держать руль и не потерять равновесие на дороге.

Нина тоже коротко взглядывала на Игоря, как будто пыталась понять многое про него, его жизнь за последние годы. И он, угадывая её желание, рассказывал

и о своей работе, и о городе, где обосновался. Но ничего о том, что Нину могло интересовать больше всего... А впрочем, зачем этим интересоваться? Разве это может что-то изменить?

Теплоход собирался к отплытию. Время стоянки заканчивалось. Нина и Павел вышли проводить Игоря. Его машина стояла неподалёку.

– Жаль, времени было мало, – сказал Игорь, прощаясь. – А то ко мне бы заскочили, посмотрели, как я здесь живу.

«Он ведь не сказал – мы живём? Но это ничего не значит», – подумалось Нине.

– Нина, – Игорь обратился именно к ней. – Хотелось бы вас прокатить на этой машине, она вам очень подходит.

Он открыл дверцу, как бы приглашая её садиться.

– Я не разбираюсь в машинах, – смутилась Нина. – Но машина красивая.

– Быть может, в следующий раз, – добавила она, понимая, что этого следующего раза уже не будет.

Яркая гоночная машина стремительно покидала порт. Нина и Павел поспешили на теплоход.

В каюте на маленьком столике остались чашки с недопитым чаем и расписной чайник с крепкой заваркой.

– Ты будешь ещё чай? – спросила Нина Павла. – Я схожу за кипятком.

На палубе Нина остановилась и стала вглядываться в город, который понемногу исчезал из виду.

Теплоход разворачивался, уходил от близкого ещё городского зелёного предместья. Может быть, так и было, а всего скорее, Нине показалось, что с того удаляющегося берега потянуло нежным и горьковато-сладким запахом цветущего шиповника.

